

ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

«Верецагин — такой гигант, что, приступая к его характеристике, я испытываю неловкость. Когда смотришь на этого колосса, все кажется вокруг таким маленьким, ничтожным...» — так о Верецагине говорил Илья Репин.

А поэт и прозаик А. В. Жиркевич писал о художнике:

«Это какой-то вечно меняющийся в образах, в формах, в размерах хаос; хаос живой, движущийся вперед, все за собой увлекающий, от которого трудно оторваться; хаос непримиримых, казалось бы, противоречий; хаос, который, как луч божественного света, пронизывает, озаряя, упрямое, страстное искание истины...»

В этих характеристиках — весь Верецагин, гениальный, хаотичный и многогранный в своих талантах. Энциклопедическое определение его как художника-баталиста, одного из величайших в истории, несомненно, верно.

Но только с формальной точки зрения. Война и все на ней происходящее были для Верецагина одним из средств художественного выражения.

Целью же всегда был человек и мир, его окружающий.

Именно поэтому Василий Васильевич так много путешествовал, ведь познание мира невозможно без того, чтобы не увидеть его своими глазами. Он объездил Среднюю Азию, Закавказье, Китай, Цейлон, Соединенные Штаты, Кубу, вместе с молодой женой забирался в отдаленные места Гималаев и Тибета.

Множество раз Верецагин оказывался на волосок от гибели, как на войне, так и когда, например, пробивался по горным утесам через снежную бурю.

Зачем же это было ему нужно?

Затем, чтобы увиденное глазами пропустить через себя и воплотить в художественные произведения, как живописные, так и литературные.

Ведь иначе, по мнению Василия Верецагина, жизнь просто потеряла бы смысл...

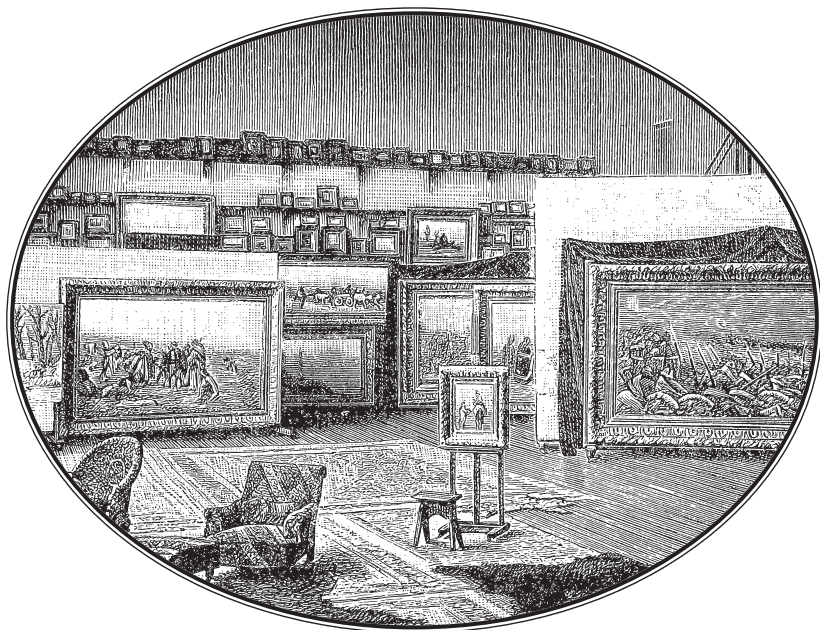
Василий Васильевич
ВЕРЕЩАГИН

1842—1904

В. В. Верещагин

ГИМАЛАИ, СИБИРЬ, АМЕРИКА.

Мои пути и дороги.
Очерки, наброски, воспоминания

Москва
2024

УДК 910.4
ББК 26.8г
В31

Разработка серии — *И. Осипов*

Оформление обложки — *Е. Вдовиченко*

Верещагин, Василий Васильевич.
В31 Гималаи, Сибирь, Америка. Мои пути и дороги : очерки, наброски, воспоминания / Василий Верещагин. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. : ил. — (Подарочные издания. Великие путешествия).

ISBN 978-5-04-175741-0

Жизнь знаменитого русского художника-баталиста Василия Васильевича Верещагина (1842—1904) напоминает авантюрный роман — со стремительной смелой декораций, стрельбой, бурными сценами, неожиданными поворотами сюжета. Художник объехал весь мир, ссорился с царем, воевал на трех войнах — и проклял войну в своих картинах.

Как литератор Верещагин известен своими замечательными очерками и воспоминаниями; перу художника также принадлежит ряд исторических исследований. Но самое ценное в литературном наследии Верещагина — это путевые заметки о посещениях разных стран, связанных в том числе и с участием в военных действиях. Они и составили основу настоящего издания. Это рассказы о поездках по Средней Азии, Закавказью, Китаю, Цейлону, Соединенным Штатам, Кубе, Гималаям и Тибету. Издание дополнено множеством иллюстраций, большинство из которых принадлежит самому В. В. Верещагину — и эта одна из интереснейших особенностей книги, когда очерки о путешествиях проиллюстрированы автором, талант которого как художника настолько велик, а нравственная репутация столь безупречна.

УДК 910.4
ББК 26.8г

© Текст, примечания, иллюстрации, макет, дизайн, оформление.
Издательство «Fortune Triumph Ltd.», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-175741-0

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Картины Василия Васильевича Верещагина составляют гордость экспозиции лучших музеев мира. Репродукции его полотен печтатаются миллионами копий. В общем, художник Верещагин — гигант, положение которого в истории искусства незыблемо.

А вот с литературным наследием знаменитого художника ситуация иная. Как писатель Василий Васильевич Верещагин мало знаком отечественному читателю. И это досадно, ведь литературный талант Верещагина заслуживает внимания и пристального изучения.

Верещагин пробовал свои силы как прозаик — в 1894 году увидела свет его повесть «Литератор», которую благосклонно встретила и публика, и критики; также в печати регулярно выходили его рассказы. Перу Василия Васильевича принадлежит и ряд исторических исследований. В частности, при создании своей «Наполеоновской серии» Верещагин так увлекся фигурой Бонапарта и событиями Отечественной войны 1812 года, что «не удержался» и написал книгу «1812: Пожар Москвы; Казаки; Великая армия; Маршалы; Наполеон I».

Но наиболее в литературном отношении Верещагин отличился как автор путевых очерков и отчетов о посещениях разных стран, связанных в том числе с непосредственным участием художника в военных действиях. Они и составили основу нашего издания. Это рассказы о поездках по Средней Азии, Закавказью, Китаю, Цейлону, Соединенным Штатам, Кубе, Гималаям и Тибету. Издание дополнено сотнями иллюстраций, большинство из которых принадлежит самому В. В. Верещагину — и это одна из интереснейших особенностей книги, когда очерки о путешествиях проиллюстрированы автором, художественный талант которого настолько безупречен.

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Верещагин:
«Казалось, мир мне
будет мал...».
О художнике, его судьбе
и путях-дорогах

14

Он хотел показать людям трагедию и глупость войны — и сам пал ее жертвой...

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ

I

Нищенство здесь сильно развито и хорошо организовано. Нищяя компания составляет род братства с одним главой.

37

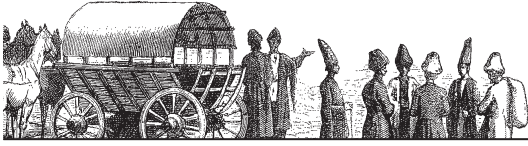
Самарканд. 1868 год

78

Материала для изучения и рисования было столько, что буквально трудно было решиться, за что раньше приняться: природа, постройки, типы, костюмы, обычаи...

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО ЗАКАВКАЗСКОМУ КРАЮ

I. Религиозное празднество мусульман-шиитов

Эти страдания имамов служат также содержанием для мистерии или драмы, разыгрываемой частью в первые девять дней, частью, с особенным торжеством, на десятый день.

115

II. Духоборцы

130 *Очень строго преследовали их толк, стараясь препятствовать распространению его; в этих-то видах духоборцы были выселены сначала в Таврию, а потом в еще более глухое место, в горы Закавказского края.*

III. Молокане

В Закавказье очень много молокан; живут они все хорошо, зажиточно, но только не так согласно, как духоборцы.

139

ОТ САН-ФРАНЦИСКО ДО ГОНКОНГА. Путевые наброски

I

149

Молодой еще народ не успел себе создать истории, не прошел, да и не пройдет в своей исторической жизни через те ступени, через которые прошли народы Старого Света.

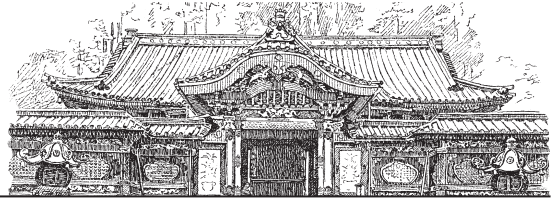

II

Наконец на двадцатый день рано утром мы в подзорные трубы разглядели далекие, неясные еще очертания гористого берега Японии. Легко понять, с каким нетерпением все мечтали стать на твердую землю.

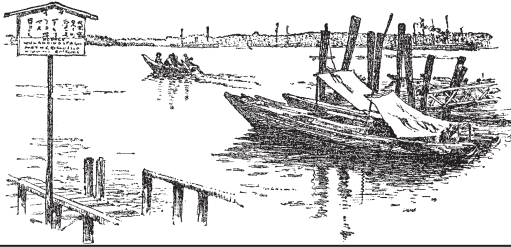
158

III

164

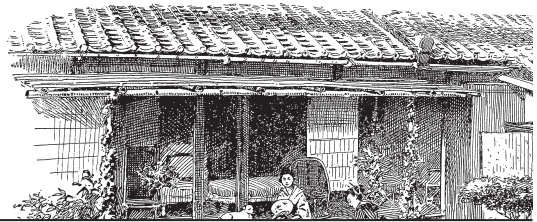
Насильное вторжение иностранцев нанесло смертельный удар феодальному строю старой Японии.

IV

Стремление к подражанию во всем европейцам особенно проявляется в таких центрах, которые последние выбрали своей резиденцией или в приморских городах.

177

V

184

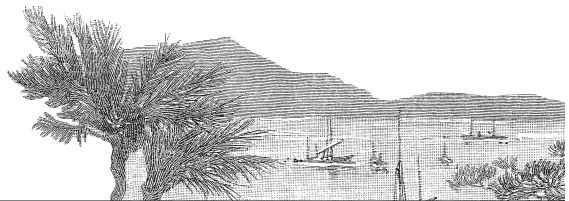
Искусства живописи, скульптуры на дереве и слоновой кости, бронзы и фарфора, лакировки и выделки оружия были известны японцам с самых ранних времен, а в последних двух они достигли особенного совершенства.

VI

Все японцы вообще большие охотники до всевозможного рода развлечений, между которыми, бесспорно, первое место принадлежит театрам, всегда усердно посещаемым публикой.

192

VII

202

Две религии, не считая христианства, с давних пор нашли себе убежище в Японии, хотя ни одна из них и до настоящего времени не может похвалиться количеством серьезных, убежденных последователей.

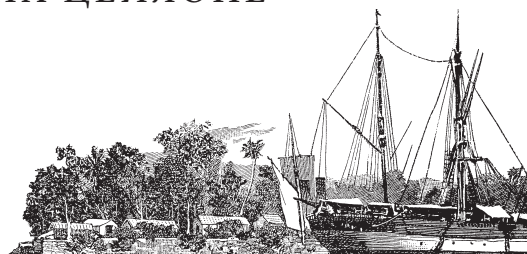
VIII

Путешествие по Японии производит на всех туристов вообще самое благоприятное впечатление как благодаря оригинальному образу жизни ее жителей, так и природе страны.

218

МЕСЯЦ НА ЦЕЙЛОНЕ

I

231

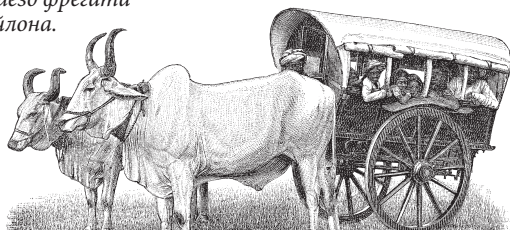

Переезд из Кохинхины на Цейлон. Неблагоприятные условия Индии для русского туриста. Отношение к нам англичан. Отсутствие консулов. Стоимость путешествия и жизни. Несколько слов об известном французском писателе Жаколио.

II

Приезд в Коломбо. Продавцы редкостей. Жизнь в отеле. Три квартала города. Разнообразие жителей туземного квартала. Жизнь в английских колониях. Приезд фрегата «Владимир Мономах». Краткая история Цейлона.

236

III

241

Дорога в Канди. Главные предметы плантаций. Растительное и минеральное богатство острова. Пагода Священного зуба в Канди. История этого зуба. Ботанический сад Перадения.

IV

Дорога в Анурадхапуру. Устройство вообще всех бунгало Индии и Цейлона. Плата за квартиру и стол. Опять джунгли.

246

V

249

Анурадхапура, столица Цейлона. Остатки прежнего величия. Медный дворец, его основание и назначение. Священное дерево Бочага. Дагобы. Заключение.

ПО СИБИРИ

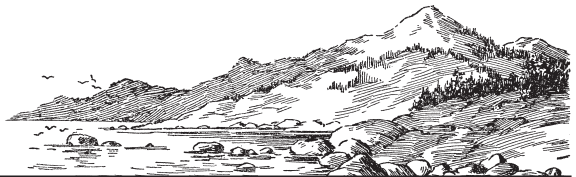

Само выражение сибиряка: «У вас в России» — как нельзя более характерно и наглядно доказывает разобщенность края.

253

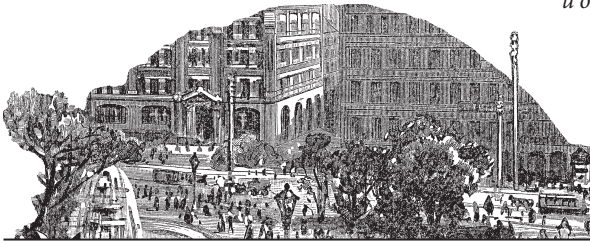
ПО СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ АМЕРИКИ 1901—1902 гг.

1. На пароходе «Кронпринц Вильгельм» через океан

265

Общество, конечно, самое разнообразное и, как видно с первого раза, менее феишенбельное, чем на английских, ливерпульских и даже французских судах — меньше богатых людей, мучеников фрака со стороны мужчин и открытых туалетов со стороны дам.

2. Нью-Йорк и Бристоль

Общее впечатление жизни американского городка очень отрадное; полиции не видно, она не имеет никакой силы, никакого веса, ни во что не имеет права вмешиваться. Все делается самими гражданами.

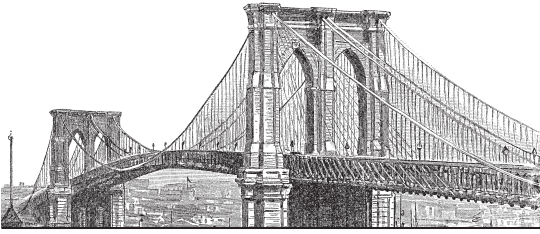
269

3. Чикаго: музеи, искусство, университет

275

Чикаго, город в полтора, а с пригородами в два миллиона жителей, до сих пор называется высокомерными ньюйоркцами «западной дереушкой», хотя эта «западная дереушка» грозит перегнуть сам Нью-Йорк.

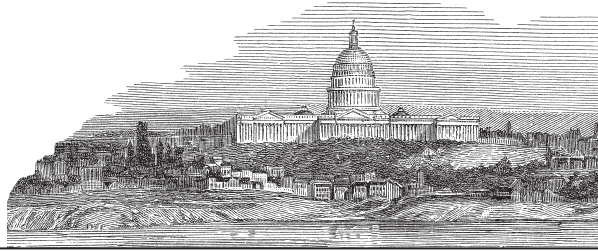

4. Железные дороги и другое

Окрестности по железнодорожному пути часто напоминают Россию деревянными постройками и ровностью местности, хотя леса меньше вырублены и жилье расположено не деревнями, а фермами.

281

5. Вашингтон. Встречи с президентом Теодором Рузвельтом

285

Мое впечатление от свидания с президентом республики Соединенных Штатов было то, что это — сильный, одаренный природой человек, интересующийся всем и очень много военным делом.

6. Куба в годы перемен

Город Гавана, конечно, никогда при испанском владычестве не был в таком цветущем состоянии: чистота на улицах, яркая зелень на площадях; помина нет о дохлых собаках и кошках, валявшихся по улицам и наполнявших их зловонием.

292

Заметки об Америке

297

Что приятно удивляет европейца в Америке, так это отсутствие формализма.

КИТАЙСКАЯ ГРАНИЦА. НАБЕГ 1869 год

Здесьшние места, обезлюдившие после кровавого возмущения в Китае, недавно перешли в наши владения; они были заняты сметливыми офицерами, главным образом, разумеется, потому, что плохо лежали.

303

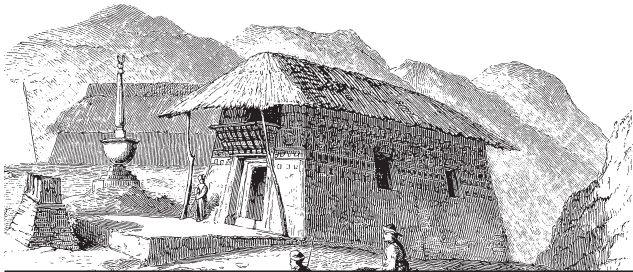
ОЧЕРКИ
путешествия в Гималаи
г-на и г-жи Верещагиных
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

329

Приглашение в Непал. — Приезд в Банкипор. — Доктор Симпсон. — Пароход. — Почтовая езда. — Первое впечатление снеговых гор. — Приезд в Дарджилинг. — Буддийский монастырь. — Приготовление к отъезду. — Выход из Дарджилинга.

Глава вторая

Лоды. — Миссионер. — В Гималаях. — Пемииончи. — Яксун. — Восхождение на Канчингу. — Как носильщики нас покинули. — Медленное замерзание. — Спасение. — Джонгри. — Разысканная дорожная сумка. — Добди. — Лама. — Наш чапрасси, или посыльный. — Монастырь Чангачелинг. — Праздник в Пемииончи. — Танцы и пантомимы. — Опять наш чапрасси. — Письмо короля.

340

Глава третья

365

Путь в Томлонг. — Теплые северные источники. — Ратлам. — Приход в Томлонг. — Мы представляемся королю. — Подарки. — Кунген-лама. — Покупка различных вещей. — Выход из Томлонга. — Мост. — Возвращение в Дарджилинг.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вот мы и в Сринагаре, столице Кашмира. Вошли широкой улицей, обсаженной деревьями, да такими славными, что есть где путникам укрыться и от дождя и от зноя.

374

ПРИЛОЖЕНИЯ

Илья Репин.
Воспоминания о В. В. Верещагине

403 *Как художник он гремел своей славой далеко за пределами России, и этого победоносного грома нельзя было не слышать, не было возможности удержаться от желания видеть поскорее эту совсем невероятную новость в искусстве.*

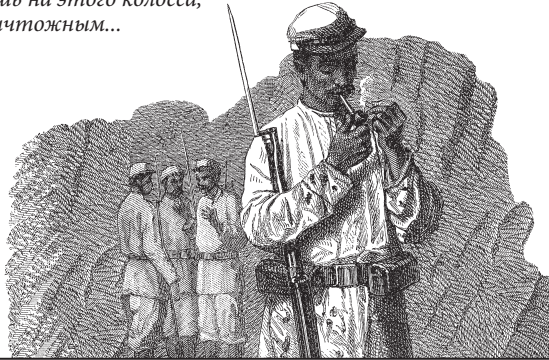

Речь И. Е. Репина
на траурном заседании
памяти В. В. Верещагина,
организованном
Академией художеств
20 апреля 1904 года

Верещагин — такой гигант, что, приступая к его характеристике, я испытываю неловкость. Когда смотришь на этого колосса, все кажется вокруг таким маленьким, ничтожным...

408

Н. Н. Брешко-Брешковский.
Русский художник
В. В. Верещагин

411 *Трудно найти другого русского художника, имя которого пользовалось бы такой широкой европейской известностью, как имя Василия Васильевича Верещагина, творца батальных и этнографических картин.*

В. В. ВЕРЕЩАГИН: «КАЗАЛОСЬ, МИР МНЕ БУДЕТ МАЛ...».
О художнике, его судьбе и путях-дорогах

Когда мы слышим слово «художник», какие прежде всего возникают ассоциации? Уютная студия, краски, мольберт, натура. Или выезд на пленэр, тихая мягкая природа, старинный собор, поросший кувшинками пруд. Можно также представить себе юг Франции или Италии, где так приятно писать море и скалы днем и предаваться развлечениям вечером.

А теперь — кое-что совершенно иное. Вот, например, воспоминания одного из участников обороны Самарканда 1868 года во время Туркестанских походов Русской армии:

«Быть или не быть — вот вопрос, который разрешило утро 3 июня.

Часов с семи или восьми перестрелка стала разгораться. Неприятель закопошился. По улицам города были заметны оживленное движение и беготня. По временам у самых стен цитадели, в общем шуме, можно было различить делаемые неприятелем распоряжения и отдаваемые приказания. Сарты готовились к штурму.*

Вскоре, как и накануне, заревела труба, заиграли зурны, забили барабаны. Неприятель с криком “Ур!” (“Бей!”) бросился на стены цитадели. Его стрелки, засевшие в высоких двухэтажных саклях, наносили гарнизону громадный вред. Град камней сыпался на защитников с трех сторон. С трудом успевали убирать раненых и убитых и заменять их места. В особенности терпели люди, занимавшие сакли с правой стороны от ворот. Здесь окна и двери выходили на крыши городских саклей, взобравшись на которые неприятелю легко уже было попасть в цитадель. В двадцать минут одиннадцатого вышеупомянутые сакли были им заняты; на ворота произведен дружный натиск, и мешки, заслонявшие их, разбросаны; часть стены левее от ворот тоже перешла в руки осаждавших, которые почти в упор стреляли по защитникам; артиллеристы наши, по несчастной случайности, зарядили орудие порохом к дулу — выстрела не произошло; люди наши отшатнулись и столпились в улице, ведущей в Кок-

* Сарты — несколько размытое понятие, обозначающее часть населения Средней Азии в XV—XIX вв. В Ташкенте, Фергане, Хорезме, Южном Казахстане и других местах оно являлось самоназванием оседлого населения.

таш. Два-три человека из числа штурмующих бросились было к оставленному оружию и схватились за его колеса. Наступила грозная минута: солдаты наши стояли на месте, кричали «Ура!» и умирали...

Мужество подполковника Назарова и личный пример прапорщика Верещагина поправили дело. Последний, с ружьем в руках, во главе нескольких человек, бросился в сакли, занятые неприятелем, и штыками опрокинул его в город; остальные дружно ударили на ворота. Неприятель не выдержал натиска: им овладела паника, и несколько человек наших, выскочивших за ворота, стреляли по бегущим...»

Еще эпизод. Художник со своей молодой супругой путешествуют по Гималаям. Они отправляются в места, где до них проходили лишь несколько европейцев. И в какой-то момент возникает ситуация, когда смерть от холода кажется неизбежной: «Холод делался нестерпимым, мы лежали, съезжившись, перед огнем и, как я уже сказала, почти обжигались с одной стороны, в то время как другая мерзла и леденела. Мы стали просить последнего оставшегося с нами кули пойти навстречу своим товарищам и принести нам хоть что-нибудь теплое. Он сначала начисто отказался. Однако обещанием хорошей получки на водку его удалось убедить. Он пошел и тоже пропал! Мы остались одни посреди мертвой тишины».

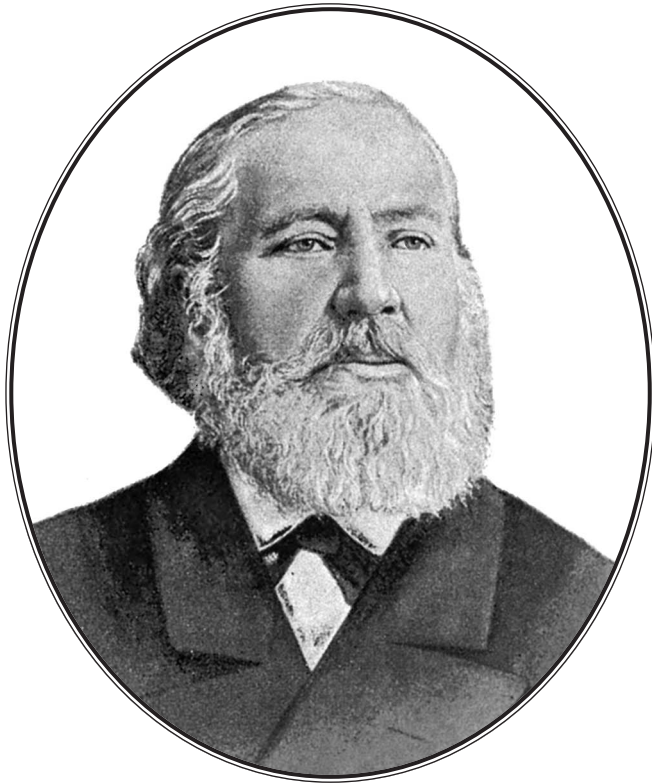
Это отрывок из воспоминаний первой жены Василия Верещагина Елизаветы Фишер.

Вообще, Верещагин очень много путешествовал. И в подавляющем большинстве своем это не были курорты или рафинированные посещения достопримечательностей. А что уж говорить об экспедициях, которые были связаны с войной. Василий Васильевич нередко забирался в такие места, которые и сейчас, при совершенно фантастическом прогрессе средств связи и передвижения, выглядят далеко не самыми безопасными.

«Окружили! Преследуют!»

Рисунок В. В. Верещагина. Фототипия из книги Ф. И. Булгакова
«Василий Васильевич Верещагин и его произведения». 1896 г.

Василий Васильевич Верещагин-старший.

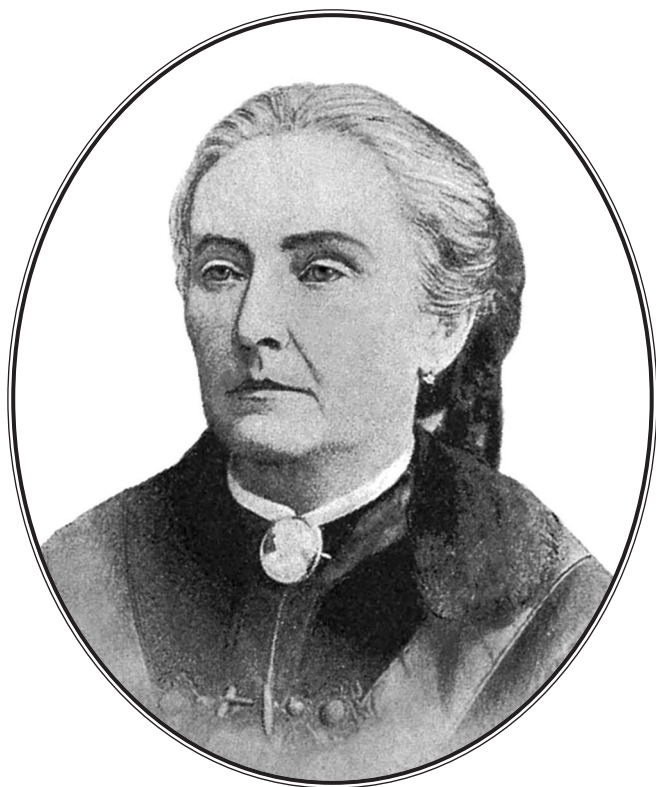
*Фото из книги А. В. Верещагина (брата художника)
«Дома и на войне. 1853—1881: Воспоминания и рассказы». 1886 г.*

Страсть к путешествию у него была, наверное, не меньшей, чем страсть к живописи. Уже упомянутые Гималаи и Тибет, Западный Китай и Семиречье*, Индия, Сирия и Палестина, Япония и Куба, не говоря уже о «более стандартных» Европе и Соединенных Штатах.

Откуда же такие наклонности и увлечения, такая страсть к живописи и путешествиям? В детстве этого, казалось бы, ничего «не предвещало». Верещагин появился на свет 14 (26) октября 1842 года в Череповце. В этот день местное дворянство собралось в доме своего предводителя, Василия Васильевича, чтобы отпраздновать его день рождения (такое вот совпадение — отец и сын, полные тезки, родились в один и тот же день). Во время шумного собрания и пришла весть о появлении второго сына в семье (у Василия Верещагина было три брата: старший Николай и младшие Сергей и Александр).

По губернским меркам родители Василия были людьми обеспеченными и уважаемыми — им принадлежали пять деревень и около 400 душ крепостных. По характеру же они были противоположностями. Анна Николаевна — наполовину татарка, подвижная, нервная и вспыльчивая, но при этом очень

* *Семиречье* — историческая и географическая область в Центральной Азии, расположенная между озерами Балхаш на севере, Сасыкколь и Алаколь на северо-востоке, хребтом Джунгарский Алатау на юго-востоке, хребтами Северного Тянь-Шаня на юге. Получила свое название от семи главных рек региона: Или, Каратала, Биена, Аксу, Лепси, Баскана, Сарканда.

Анна Николаевна Верещагина.

Фото из книги А. В. Верещагина «Дома и на войне. 1853—1881: Воспоминания и рассказы». 1886 г.

добрая женщина. Она оказала огромное влияние на формирование характера сына — ему, помимо добродушия, передались беспокойное воображение и необходимость буквально ежеминутного передвижения. Отец — иной типаж: как вспоминал художник, «человек с мещанской нравственностью, мягкий в общении, но при этом весьма непреклонный в решениях».

Художественная натура Верещагина начала проявляться еще в раннем детстве: «Сколько себя помню, — рассказывал Василий Васильевич, — я всегда любил рисовать все. Срисовывать начал едва ли не впервые еще дома, с платка, на котором отпечатана была “Тройка” с волками: волки гонятся за санями, с которых стреляют. Помню, что нянька моя Анна, которую я любил до безумия, одобряла меня за этот рисунок. Мне было тогда лет пять. Платок был куплен няньке от заезжавшего к нам иногда разносчика, на паре возов развозившего по окрестным помещикам все. Срисовывал я также и висевшие по стенам картинки. Родители и родные всегда удивлялись и в это время, и впоследствии, когда я стал подрастать, моим рисункам; но об отдаче меня в Академию художеств никогда не могло быть и речи, так как это было бы “срамно”».

Да, какие бы таланты не проявлял Василий и его братья, с точки зрения родителей, их судьба была определена — они должны были стать военными. И желания детей никто не спрашивал — так было положено. В 1850 году Василия определили в Александровский кадетский корпус, который тогда располагался в Царском Селе. Через три года отец перевел его в Морской кадетский корпус

Няня Анна (Анна Ларионовна Потайкина).
Рисунок В. В. Верещагина. 1883 г.

идею стать живописцем сумасшествием и в своем привычном нервном стиле говорила: «Подумай, Вася, хорошенько — ведь рисование не даст тебе хлеба и не введет в гостиные». Верещагин-старший непреклонно сказал, что лишит сына содержания, если тот пойдет в художники. Но упорство отца передалось, по-видимому, сполна сыну — Василий, вопреки всему, не хотел отказываться от своей мечты.

* * *

Так или иначе, в 1860 году Василий Верещагин поступил в Академию художеств, в класс заслуженного профессора живописи А. Т. Маркова. Денежный вопрос удалось решить с помощью Ф. Ф. Львова, который в свое время был попечителем Рисовальной школы, а с 1859 года стал конференц-секретарем Академии художеств, — юному художнику была обещана стипендия в 200 рублей в год. Некоторую помощь оказывал дядя, Алексей Васильевич Верещагин, да и отец в итоге сменил гнев на милость и помогал сыну деньгами (по прошествии лет отношения В. В. Верещагина с родителями наладились, и они безмерно гордились своим сыном).

Среди первых своих учителей Верещагин отмечал адъюнкт-профессора, известного исторического живописца Александра Егоровича Бейдемана. «Бейдеман, — вспоминал Василий Васильевич, — тогда еще свежий, был мне очень полезен. Он первый рядом наглядных примеров поколебал мою веру в необходимость “штриха”, чистоты и опрятности рисунка. Я стал рисовать грязнее и стал получать более далекие нумера [оценки]; однако за последние

в Санкт-Петербурге, где уже учился брат Николай (два младших брата также впоследствии учились в этом учебном заведении). В Морском корпусе Василий продолжал рисовать, но не так много, поскольку, как он сам вспоминал, «погоня за баллами и нежелание дать другим обогнать себя по классу брали у меня все время». Во время учебы Верещагин совершил свое первое заграничное путешествие — в ходе учебного плавания во Францию гардемарины посетили порты Бордо и Марсель.

В 1858 году, незадолго до окончания учебы, Василий записался вольноопределяющимся в Рисовальную школу Общества поощрения художников. Наконец пришло время выпуска из Морского корпуса — и практически сразу же новоиспеченный офицер подал в отставку. Василий страстно хотел поступить в Академию художеств. Но родители восприняли этот «выход из плоскости» в штыки. Мать называла

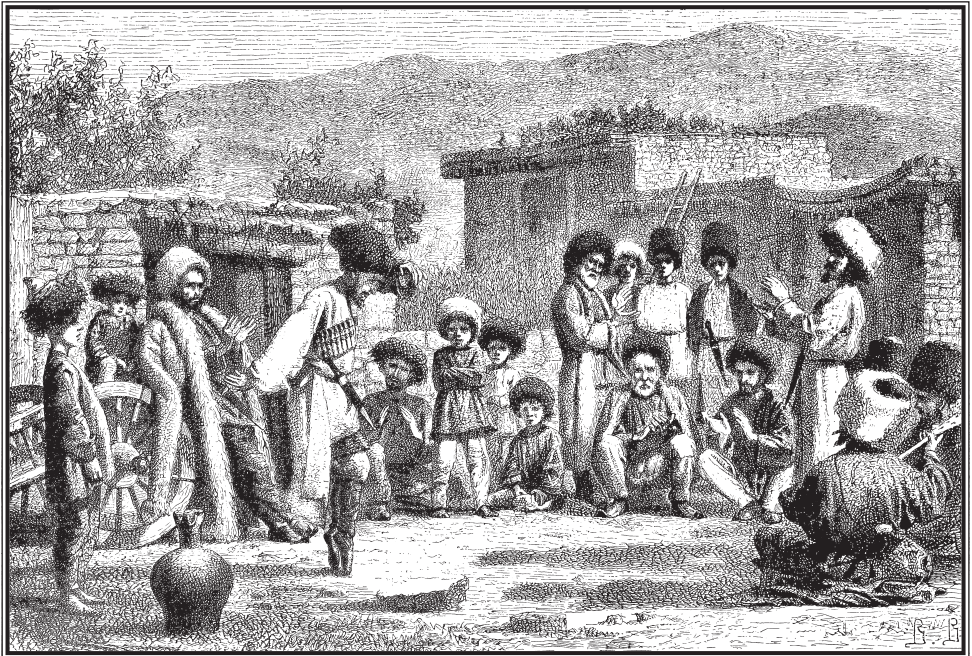

Василий Верещагин во время обучения
в Морском кадетском корпусе

два рисунка в гипсовых фигурах опять имел номер 1, первым же перешел и в натуральный класс».

Естественно, что в первые годы Василий был обязан работать в духе классицизма, ведь другого варианта в академии в те годы просто не было. В 1862 году он принялся за большое полотно «Избиение женихов Пенелопы возвратившимся Улиссом» — успех этой работы гарантировал бы Верещагину серебряную медаль и стипендию для поездки за границу. Картину он написал и даже медаль получил... но затем Верещагин разорвал полотно и бросил его в печку. На удивленные взгляды Бейдемана и соучеников он ответил: «А это для того, чтобы уже наверняка не возвращаться к этой чепухе!»

И снова очередная «блажь» — Василий отказался от привычного пути, в 1863 году бросил академию и Петербург и уехал на Кавказ. «На Кавказ я приехал,— вспоминал художник,— летом 1863 года. Чтобы сделать эту поездку, немало времени я питался одним молоком и хлебом и все-таки, приехав на Кавказ, оказался только с сотней рублей в кармане. По дороге в Тифлис и в Белом Ключе, где жил наместник, великий князь Михаил Николаевич, я, разумеется, много рисовал. Профессор Лагорио, состоявший при великом князе, очень обязательный и добрый человек, рекомендовал меня в семью начальника штаба армии, генерала А. П. Карцева, как учителя рисования». Впоследствии появились еще уроки. Это, с одной стороны, было хорошо, по-

Лезгинка (танец дагестанских горцев).

Рисунок В. В. Верещагина.

Фототипия из книги Ф. И. Булгакова

«Василий Васильевич Верещагин и его произведения». 1896 г.

скольку Василий был вполне обеспечен, но с другой — он мечтал рисовать как можно больше с натуры, а из-за уроков времени катастрофически не хватало: «Конечно, только молодость и свобода моя были причиной того, что эта масса уроков не задавила меня. Трудно передать, как я был живуч и как пользовался всяким получасом времени для наполнения моих альбомов».

В следующем, 1864 году отец прислал Василию 1000 рублей — с этими деньгами молодой живописец отправился в Париж и около года проучился в мастерской известного художника академического толка Жана Леона Жерома. Французский живописец пытался учить приезжего русского так, как когда-то учили его самого, делая упор на копировании классических произведений. Однако «строптивец» отказался: «Несмотря на все советы, — вспоминал Верещагин, — я настойчиво отказался копировать старые, пожелтевшие и почерневшие полотна Лувра». В итоге Василий уехал из Парижа и с тех пор не сделал ни одной копии — все, что он рисовал, было свое, оригинальное, верещагинское.

После Франции Верещагин снова отправился на Кавказ. «Я вырвался из Парижа, — рассказывал он друзьям, — точно из темницы, и принялся рисовать на свободе с каким-то остервенением». Художник путешествовал по Кавказу несколько месяцев, затем снова поехал во Францию и весной окончательно вернулся на родину, завершив таким образом свое официальное обучение.

* * *

В 1866 году Василий провел несколько месяцев в родительском имении, а сентябре 1867 года уехал в Туркестан. Эта поездка состоялась благодаря знакомству с туркестанским генерал-губернатором К. П. Кауфманом, который